

ПРОБЛЕМЫ КОНСОЛИДАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ: ПОЗИЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО РЕАЛИЗМА

Валентин Павлович Бабинцев¹

Галина Николаевна Гайдукова²

Яна Игоревна Серкина³

Жанна Александровна Шаповал⁴

^{1, 3, 4} Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
Белгород, Россия

² Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС,
Санкт-Петербург, Россия

¹ babintsev@bsuedu.ru,

ORCID 0000-0002-0112-6145

² g_gaidukova@bsuedu.ru,

ORCID 0000-0001-6300-9174

³ serkina_ya@bsuedu.ru,

ORCID 0000-0002-5106-7104

⁴ shapoval@bsuedu.ru,

ORCID 0000-0002-8069-9274

Для цитирования: Бабинцев В. П., Гайдукова Г. Н., Серкина Я. И., Шаповал Ж. А. Проблемы консолидации региональных сообществ: позиция социального реализма // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 1. С. 48–73. DOI 10.19181/snsp.2025.13.1.3. EDN QDYPZC.

Аннотация. Целью статьи является критический анализ наиболее распространённых концептов консолидации региональных сообществ, их верификация на основе результатов эмпирического исследования процессов, протекавших в приграничных с Украиной регионах России в начале 20-х годов нашего столетия. Обосновывая актуальность рассматриваемой темы, авторы указывают на противоречие между объективно обусловленной, адекватной сущности человека интенции на консолидацию, которая находит своё отражение как в декларациях государственных руководителей и общественных лидеров, так и среди значительной части населения, и ограниченностью её реальных практик. Это противоречие пока не получило удовлетворительного объяснения в социологической литературе, в которой преобладает упрощённый взгляд на консолидацию как на сплочение граждан на основе общих ценностей. В статье рассматриваются два концепта консолидации (как ценностно ориентированной сплочённости и как необходимости) и утверждается, что механизмы

© Бабинцев В. П., 2025

© Гайдукова Г. Н., 2025

© Серкина Я. И., 2025

© Шаповал Ж. А., 2025

консолидации сложны и далеко не очевидны. Попытка упростить представление о них в гносеологическом отношении отражает неспособность осмыслить реальный консолидационный процесс во всей его противоречивости. В социальном аспекте причины связаны со стремлением исследователей соответствовать современным политическим трендам без их полноценной рефлексии, что косвенно свидетельствует о не излеченной полностью «болезни» сервильности. Авторы доказывают, что только позиция социального реализма, в основе которой лежат понимание неоднозначности и неоднородности консолидационного процесса, освобождение от соображений политической конъюнктуры, проблематизация и депроблематизация, рефлексивная оценка собственного опыта анализа, равно как и опыта других авторов, позволяет избежать ошибочных суждений, хотя и не гарантирует этого. Сформулированные выводы опираются на результаты двух авторских социологических исследований, проведенных в 2021 и 2022 гг. в Белгородской, Воронежской и Курской областях. И хотя исследования почти не захватили период СВО, довольно резко контрастирующий в отношении консолидационных практик с предыдущим «мирным» периодом, этот контраст отражает многие из аспектов проблемы не только применительно к приграничью, но и к другим территориям. Опираясь на полученные результаты, авторы утверждают, что можно говорить о различных формах консолидации – стихийной, административной, кризисной, партнёрской, механизмы каждой из которых имеют свои особенности. Недостаточная успешность консолидации в настоящее время связана с неадекватностью сложившимся условиям её предпочитаемой формы (партнёрская) и низким уровнем готовности населения к участию в решении общих региональных проблем. Это противоречие более или менее успешно разрешается в регионах-фронтах при выборе кризисной формы, в перспективе – смешанной, административно-стихийной.

Ключевые слова: социальная консолидация, социальная солидарность, идентичность, сообщество, региональное сообщество, метасоциальный институт, приграничный регион

Введение. Обоснование предмета исследования

Понятия «солидарность» и «консолидация» в последние годы широко используются участниками общественно-политического диалога в России. К этой теме неоднократно обращались в своих публичных выступлениях Президент России (см.: [1]), Патриарх Кирилл¹. Не удивительно, что проблематика солидарности и консолидации постоянно является предметом внимания отечественных исследователей² (см., напр.: [2–11]).

¹ Патриарх Кирилл: Идеи солидарности и заботы об общем призваны стать скрепой нашего общества // Правмир : сайт. 03.11.2012. URL: <https://www.pravmir.ru/patriarx-kirill-idei-solidarnosti-i-zaboty-ob-obshhem-prizvany-stat-skrepoj-nashego-obshhestva/> (дата обращения: 20.08.2024).

² См., напр.: Агеева Е. А. Политические аспекты консолидации современного российского общества (на примере полиэтнического региона) : автореф. дис. ...канд. полит. наук : 23.00.02 / Агеева Екатерина Александровна ; науч. рук. М. Г. Анохин ; Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. Москва, 2004. 25 с.; Аносов С. С. Консолидация как социальный феномен: социально-философский анализ : дис. ...канд. филос. наук : 09.00.11 / Аносов Сергей Сергеевич ; науч. рук. О. А. Кармадонов ; Забайк. гос. ун-т. Чита, 2019. 206 с.; Ковригина Г. Д. Социальная солидарность как метаинститут : дис. ...д-ра филос. наук : 09.00.11 / Ковригина Галина Дмитриевна ; Забайк. гос. ун-т. Чита, 2020. 304 с.

Но, несмотря на явную актуальность задачи консолидации российского общества, имеется крайне ограниченное число примеров практической реализации данной идеи в мирных условиях. Наиболее известным из них является опыт реализации региональной стратегии формирования солидарного общества в Белгородской области до 2025 года¹, в ходе которой был разработан и апробирован ряд «микропрактик солидарности» на муниципальном уровне (в городских округах, муниципальных районах, городских и сельских поселениях). Однако они выглядят, скорее, исключением, чем нормой.

В то же время специальная военная операция (СВО) на Украине сопровождается примерами высокого уровня солидарных практик населения, что особенно наглядно проявилось в приграничных регионах России, которые в настоящее время представляют собой регионы-фронтиры. Примерами этих практик стало формирование многочисленных добровольческих отрядов самообороны из местных жителей, поддержка населением приграничья военных («Солдатский привал»), деятельность волонтерских групп, сбор гуманитарной помощи людям, покинувшим свои дома из-за обстрелов, и др.²

Сложившаяся ситуация, на наш взгляд, служит вполне достаточным основанием для размышлений о содержании солидарности в современном обществе и о механизмах консолидации поликультурного населения приграничных регионов России. Наша исходная позиция при этом заключается в том, что идея

¹ Постановление Правительства Белгородской области от 24.11.2011 № 435-пп «Об утверждении Стратегии “Формирование регионального солидарного общества” на 2011–2025 годы» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/469027022> (дата обращения: 20.08.2024).

² См., напр.: Шакиров А. В Белгородской области сформировали семь батальонов территориальной обороны // Комсомольская правда. 2023. 24 мая. URL: <https://www.kp.ru/online/news/5284738/> (дата обращения: 20.08.2024); Резанов И. Плечом к плечу. Как в Белгородской области помогают военным и беженцам // Fonar.tv. 2023. 06 марта. URL: <https://fonar.tv/article/2023/03/06/plechom-k-plechu-kak-v-belgorodskoj-oblasti-pomogayut-voennym-i-bezhencam> (дата обращения: 20.08.2024); Белгородская область одна из первых начала сбор гуманитарной помощи для жителей Курской области // Мир Белогорья : сайт. URL: <https://mirbelogorya.ru/region-news/61-belgorodskaya-oblast-news/63752-belgorodskaya-oblast-odna-iz-pervykh-nachala-sbor-gumanitarnoj-pomoshchi-dlya-zhitelej-kurskoj-oblasti.html> (дата обращения: 20.08.2024); Королёва Е. «Пусть наши ребята знают, что мы их тыл»: как жители Белгорода поддерживают российских военных // RT на русском : сайт. 09.04.2022. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/987670-volontery-pomosch-belgorod> (дата обращения: 20.08.2024); Подзолкова И. Тепло и уют «Солдатского привала»: как волонтеры Белгородской области помогают военнослужащим // Российская газета. 2023. 09 июня. URL: <https://rg.ru/2023/06/09/reg-cfo/teplo-i-uyut-soldatskogo-privala-kak-volontery-belgorodskoj-oblasti-pomogayut-voennosluzhashchim.html> (дата обращения: 20.08.2024); Народное единство: как волонтеры поддерживают эвакуированных жителей Курской области // 5 канал : сайт. 19.08.2024. URL: <https://www.5-tv.ru/news/491263/narodnoe-edinstvo-kak-volontery-podderzivaut-evakuirovannyh-zitelej-kurskoj-oblasti/> (дата обращения: 20.08.2024); Киселёва М. Покинувшим свои дома жителям Курской области помогают студенты-волонтеры // Парламентская газета. 2024. 12 августа. URL: <https://www.pnp.ru/social/pokinuvshim-svoi-doma-zhityam-kurskoj-oblasti-pomogayut-studenty-volontery.html> (дата обращения: 20.08.2024).

консолидации применительно к современности ни в коей мере не является своего рода симулякром, тем более, если следовать Ж. Бодрийяру, симулякром третьего порядка – то есть знаком, символом, который никоим образом не соотносится с иной реальностью, кроме своей собственной, и формируется на основе структурного закона ценности [12].

Обусловлено это рядом обстоятельств не только культурно-исторического (единство истории и культуры) и социально-политического (способность консолидированного общества быть наиболее конкурентным; минимизация внутренних конфликтов), но и природно-биологического характера.

Очевидно, не случайно проблема солидарности и консолидации разрабатывалась многими классиками социально-гуманитарного знания, начиная от О. Конта и Э. Дюркгейма, что довольно обстоятельно проанализировано отечественными исследователями¹.

В ходе осмысления проблемы сформулировано множество аргументов, позволяющих рассматривать идеи солидарности и консолидации как отражающие реальные интегративные процессы в человеческом обществе. Приведём лишь некоторые из них:

– *естественно-природный*, который предполагает, что социальная консолидация – это выражение естественного стремления людей, их жизненно важной потребности в объединении, создании социальной группы, коллектива. Так, например, как отмечает французский антрополог П. Буайе, «люди, как мы знаем, испытывают сильное стремление образовывать социальные группы и присоединяться к ним – это бесспорный факт. Социальный образ жизни, наблюдаемый у некоторых видов, обеспечивает преимущества и сам по себе не является эволюционной загадкой» [13, с. 47]. При этом установка на солидаризацию, по оценке П. Буайе и ряда других учёных, базируется на вполне рациональных основаниях. В частности, Р. Бойд и П. Ричерсон в своих исследованиях подчёркивали, что те человеческие сообщества, в которых процветало сотрудничество и культурный конформизм, преуспевали больше эгоистически ориентированных и имели больше шансов на выживание [14]. М. Ридли также последовательно приходит к выводу о наличии у человека представлений (не всегда осознаваемых) об определённых личных выгодах от принадлежности к той или иной социальной общности [15];

– *глобально-политический*. Он сводится к двум основным позициям. Во-первых, развитие процесса глоболокализации (глокализации) предполагает не только унификацию культуры, но и повышение уровня субъектности локальных сообществ, их конкурентоспособности. Консолидация в данном контексте представляет собой осуществляемый ими сознательный выбор способа заявить о себе. Во-вторых, нарастание нестабильности и рисков, в контексте которых безопасность личности, группы и общества превращается в одну из наиболее

¹ Аносов С. С. Указ. соч.; Ковригина Г. Д. Социокультурные ресурсы социальной консолидации российского общества : дис. ...канд. филос. наук : 09.00.11 / Ковригина Галина Дмитриевна ; науч. рук. О. А. Кармадонов ; Сиб. федер. ун-т. Красноярск, 2015. 178 с.

значимых (если не самую значимую) потребностей. Солидарность и консолидация с учётом этого обстоятельства рассматриваются в качестве важного условия обеспечения безопасности любого сообщества, его способности к защите своих интересов. Исследования алтайских социологов, в частности, показывают: для региона с интегральным (высоким) уровнем социальной безопасности гражданская солидарность входит в число наиболее значимых факторов, оказывающих на неё влияние [16]. Отметим, что проведение специальной военной операции на Украине подтвердило востребованность консолидационных практик, по меньшей мере, в регионах приграничного с Украиной российского фронта [9; 10];

– *когнитивно-исторический*, заключающийся в том, что проблема солидарности и консолидации имеет длительную исследовательскую традицию. Она восходит к трудам О. Конта и Э. Дюркгейма. Так, хорошо известно и часто упоминается выделение последним механической и органической солидарности. Первая, по его мнению, была характерна для архаичного общества, а вторая присуща современному [17, с. 101]. О солидарности рассуждают многие классики социально-гуманитарного знания (см., напр.: [18; 19; 20; 21]).

Представляется весьма сомнительным, что столь долгая традиция была связана с обсуждением симулякра.

Но на практике мы наблюдаем ряд противоречий. Во-первых, между призывами к консолидации, исходящими от государственных руководителей и общественных деятелей, которые особенно актуализировались в связи санкциями против России и проведением специальной военной операции на Украине, и ограниченностью практик их реализации. Ситуация, сложившаяся в приграничных с Украиной регионах в ходе СВО, пока является скорее исключением, чем правилом. Но даже здесь консолидационный процесс идёт непоследовательно. Так, в 2022 году реализация региональной стратегии формирования солидарного общества в Белгородской области была прекращена досрочно¹ на основании заявления об исполнении всех запланированных в её рамках мероприятий. При этом не был проведён анализ результатов осуществления стратегии, не состоялось и их публичное обсуждение.

Во-вторых, существует противоречие между высокой степенью интеллектуальной активности в отношении проблематики солидарности и консолидации и отсутствием более или менее ясной концепции этих феноменов. Чтобы увидеть это, достаточно привести в данной связи лишь некоторые дефиниции. Так, согласно А. В. Дуке, «консолидация представляет собой процесс рутинизации форм деятельности и соглашений основных акторов, норм, регулирующих их (взаимо) действие, основывающихся на определённых базовых принципах» [22, с. 26]. По мнению Д. Ю. Павлова, это «процесс сплочения общества политическими методами и технологиями, как на социально-политическом, так

¹ Постановление Правительства Белгородской области от 06.06.2022 № 340-пп «О признании утратившим силу постановления Правительства Белгородской области от 24 ноября 2011 г. № 435-пп» // Официальный портал правовой информации : сайт. 08.06.2022. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3100202206080001> (дата обращения: 20.08.2024).

и на экономическом, культурном, ментальном и демографическом уровнях для решения внутренних, а иногда и внешних государственных проблем, обеспечения развития страны и выведения её на более высокий уровень развития»¹. С точки зрения Е. А. Агеевой, консолидация – это «сплочение граждан страны, основанное на внутреннем (ментальном, ценностном) согласии, по поводу понимания назревших общезначимых проблем и целей, связанных с их разрешением»². Согласие авторов в данном случае не простирается далее констатации довольно очевидного положения о том, что консолидация – это объединение/сплочение. Однако в качестве его оснований указываются различные явления и процессы: некие принципы, методы и технологии, ментальные и ценностные характеристики субъектов. В сущности, эти несовпадающие, а иногда и противоречащие друг другу суждения отражают разные взгляды на механизмы консолидации. А они должны быть не просто продекларированы, а детально изучены, что в нынешних условиях является экзистенциальной проблемой для нашего общества.

В-третьих, есть противоречие между сложившимися стереотипами в отношении различных аспектов социальной консолидации и их реальным восприятием социальными субъектами, которые, собственно, и являются её агентами. Эти стереотипы воспроизводятся в исследовательской литературе и публицистике, принимая форму иллюзий, и несмотря на то, что социальная теория в России мало связана с практикой, всё же создают интеллектуальные барьеры для реального объединения и сплочения граждан.

Целью данной статьи является критический анализ двух наиболее распространённых концептов консолидации российского общества (концепта ценностно ориентированной сплочённости и концепта консолидации как необходимости), их верификация на основе результатов эмпирического исследования процессов, протекавших в приграничных с Украиной регионах России в начале 20-х годов нашего столетия. Исследование почти не захватило период СВО, довольно резко контрастирующий в отношении консолидационных практик с предыдущим «мирным» периодом, но этот контраст как лакмусовая бумага отражает многие из аспектов проблемы не только применительно к приграничью, но и к другим территориям.

Суть нашей позиции определяется понятием «социальный реализм», поскольку мы рассматриваем консолидацию в качестве одного из проявлений сложно структурированного, иногда внутренне противоречивого процесса социальной конъюнкции, стараемся избегать деклараций, проблематизировать и, насколько это возможно при нынешнем уровне познания, депроблематизировать его, подвергая рефлексивной оценке собственный опыт анализа, равно как и опыт других авторов.

¹ Павлов Д. Ю. Социально-политическая консолидация современного российского общества: теория, опыт, проблемы : автореф. дис. ...канд. полит. наук : 23.00.02 / Павлов Дмитрий Юрьевич ; науч. рук. В. Е. Макаров ; Рос. гос. социал. ун-т. Москва, 2013. С. 15.

² Агеева Е. А. Политические аспекты консолидации современного российского общества (на примере полиэтнического региона): автореф. дис. ...канд. полит. наук. М., 2004. С. 13.

Методы исследования

Эмпирическая база статьи включает материалы нескольких авторских социологических исследований, проведённых в 2021–2022 гг.:

1) исследования «Проблема реновации социокультурных констант, обладающих конструктивным потенциалом для развития региональных сообществ», проведённого авторами в 2021 году на территории Белгородской области и включавшего: анкетный опрос населения ($n = 500$; выборка районированная, квотная), экспертный опрос (30 экспертов), фокус-групповое интервьюирование 3 групп (молодёжь, бюджетники, работники СМИ); общее количество участников – 32 человека;

2) исследования «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды», проведённого в 2022 году и включавшего: массовый анкетный опрос городских жителей Курской, Белгородской, Воронежской областей ($n = 1518$) по квотной выборке (параметры квот – пол, возраст), экспертный опрос (50 экспертов), 6 фокус-групповых интервью (молодёжь, бюджетники, муниципальные служащие, пенсионеры, предприниматели (самозанятые), безработные (частично занятые)); общее количество участников – 57 человек.

В работе использованы вторично обработанные данные комплексного социологического мониторинга «Консолидационный потенциал Белгородской области», осуществлённого методом анкетного опроса населения Белгородской области в 2022 году научно-исследовательской лабораторией развития гражданского общества Белгородского государственного национального исследовательского университета ($n = 6\,800$, выборка квотная, признаками квотирования выступали: место жительства, пол, возраст).

В ходе анализа результатов исследования учитывался опыт встроеного наблюдения, полученный авторами в процессе участия в разработке и реализации Стратегии «Формирование регионального солидарного общества на 2011–2025 годы».

Сформулированные в данной работе выводы базируются также на результатах исследования авторами широкого круга отечественных и зарубежных научных публикаций по вопросам социальной солидарности и консолидации.

Результаты и их обсуждение

В качестве предварительного замечания отметим, что общественные процессы в современной России во многих отношениях имеют имитационный характер (см., напр.: [23–26])¹, что, в частности, связано с распространением мифологем относительно их содержания. Одним из негативных следствий принятия мифологем является то, что они погружают субъектов социального действия, частью которых мифологемы и создаются, в эйфорическое состояние

¹ См., напр.: Шалюгина Т. А. Имитация в современном российском обществе: сущность, субъекты воздействия, социальное пространство проявления: дис. ...д-ра филос. наук: 09.00.11 / Шалюгина Татьяна Александровна; Юж. федер. ун-т. Ростов н/Д, 2011. 333 с.

самообмана. Это крайне опасно для людей, занимающихся интеллектуальным трудом, поскольку в данной сфере многим из них трудно найти надёжные основания для разрушения созданных сознанием фантомов.

Несколько иная ситуация характеризует сознание и поведение массовых субъектов, предметно-практический характер повседневной деятельности большинства из которых способствует разрушению заблуждения. В большинстве случаев они либо рационально осознают лживость мифа, либо интуитивно ощущают его несостоятельность. И в том, и в другом случае массовое сознание сопротивляется «наведённым чарам», что выражается в открытом, а в современных условиях чаще всего в латентном сопротивлении, своего рода «пассивном духовном оппортунизме». И если второй вариант сегодня преобладает, то это, по нашему мнению, свидетельствует не столько о силе мифологем, сколько о неспособности и неготовности граждан к их разрушению, «параличе» воли.

Иллюзорность представлений о том или ином процессе не означает, что объект их возникновения отсутствует вообще (хотя такая ситуация иногда и имеет место, как в случае социальных утопий), но обычно лишь указывает на наличие превращённых форм интерпретации реальности в групповых или индивидуальных интересах. При этом в любой мифологеме элементы истины, которые необходимы для придания ей мнимого правдоподобия и спекуляции на «псевдоправдоподобии», дополняются комплексом искажённых умозаключений или не вполне обоснованных суждений, которые можно опровергнуть лишь с помощью постоянной рефлексии познающего субъекта и дискуссий между представителями научного сообщества. Это в полной мере мы относим к двум концептам солидарности и консолидации.

1. Концепт ценностно ориентированной сплочённости. Он выражается в однозначном истолковании консолидации как процесса движения (чаще всего управляемого) к состоянию сплочения, объединения, которое и рассматривается в качестве солидарности. Так, согласно С. В. Леоновой, «социальная солидарность – это единство общества и государства, необходимое для достижения социально значимых целей и реализации идей взаимопомощи и братства» [8, с. 564]. Это представление многократно воспроизводится и в научной литературе, в частности – в указанной выше работе Д. Ю. Павлова¹. Для А. С. Капто консолидация – «объединение, сплочение, укрепление субъектов социальных отношений под едиными программами и лозунгами для достижения определённых общих социальных целей, преодоления внешних и внутренних угроз, кризисных ситуаций, социально-политической и этнонациональной конфронтации» [6, с. 256]. Именно в таком ключе консолидация трактуется в большинстве энциклопедий и словарей². Таким образом, консолидация рассматривается

¹ Павлов Д. Ю. Указ. соч. С. 15.

² Например, в «Энциклопедии социологии» консолидация – это упрочение, укрепление, сплочение различных социальных сил, групп, организаций для преодоления кризисной ситуации и достижения определённых целей; в «Большой советской энциклопедии» консолидация трактуется как упрочение, укрепление чего-либо, объединение, сплочение отдельных лиц, групп, организаций для усиления борьбы за общие цели.

как воплощение ценностно-целевого единства населения, правда, не вполне очевидно, как оно может быть достигнуто в высоко дифференцированном социуме.

Однако в действительности однозначно упрощённое («линейное») понимание социальной консолидации не согласуется с реальностью, которая, как всегда, богата нюансами. То, что в данном случае мы имеем дело с исключительно сложным явлением, следует уже из признания вариативности трактовки солидарности, в которой ещё Э. Дюркгейм различал механическую и органическую формы [17]. В современной реальности мы, как правило, имеем дело с многообразием «консолидаций». А. С. Капто, в частности, выделяет несколько типов консолидационных процессов: конгломеративный, консоциальный, макроцентристский, неоконсервативный, некоммунитарный [6, с. 257]. Однако при этом он оставляет за пределами внимания критерий типологизации, хотя указание на него могло бы снять многие вопросы. По нашему мнению, этот критерий необходим, и в качестве него может выступать источник консолидационного движения в регионах, на основе различения которого можно выделить:

– *стихийную консолидацию*, представляющую собой форму самоорганизации и саморегулирования сообществ на основе ощущения причастности к конкретному сообществу, представления о том, что взаимопомощь и поддержка в большей степени, чем индивидуализм, обеспечивают благополучие человека; источником консолидации в данном случае выступает инициатива самих граждан (источник – насущные потребности и интересы личности);

– *кризисную*. В определённой степени её можно рассматривать в качестве специфического варианта стихийной, поскольку данный сценарий также предполагает самостоятельное сплочение граждан, но осуществляемое под влиянием внешнего триггера, в качестве которого обычно выступает комплекс опасностей и угроз (источник – представление об опасностях);

– *административную*. В рамках её консолидация – принудительное объединение горожан с использованием ресурсов государственной и муниципальной власти (источник – властное принуждение);

– *имитационную*. Для неё типична симуляция объединительного процесса в регионах, выражающаяся в декларациях о приверженности консолидационным ценностям, в демонстрации намерений и в декорации интеграции путём создания «псевдогражданских» структур (ГОНГО-организаций); источником в данном случае являются интересы групп, решающих таким способом свои корпоративные проблемы (источник – корпоративные интересы групп влияния);

– *партнёрскую*. Она реализуется как совместный проект государственных (региональных) структур и институтов гражданского общества, где инициатива последних является приоритетной, а управление сводится к созданию условий для её осуществления (источник – государственно-общественное согласие). Именно в этом случае решающую роль играет ценностно-смысловой консенсус, хотя бы в отношении ценностей консолидации (к ним мы относим идентичность, справедливость, доверие и ответственность). Эту форму, как правило, имеют в виду авторы, когда рассуждают о консолидации. Но именно

она трудно осуществима в настоящее время в регионах, поскольку ощущение ценностного консенсуса отсутствует у значительной части граждан. Так, только 11% из числа городских жителей идентифицировали себя с региональным сообществом; 24,6% считают, что жизнь в их городе устроена справедливо. Правда, относительно высокими являются показатели межличностного доверия, но они относятся к членам семьи (84,45%) и соседско-родственного окружения (65,5%). Показатель доверия к жителям города вообще составил 36,8%. 64,8% респондентов не признали необходимость отвечать за общество и согласились с утверждением: человек несёт ответственность только за себя.

Сложность заключается в том, что формы консолидации могут в реальной жизни довольно причудливым образом переплетаться, соединять в себе несколько элементов.

Но всё же очевидно, что в каждом из этих вариантов развития будут действовать разные механизмы консолидации с неоднозначным эффектом. И практика приграничья уже в какой-то мере продемонстрировала это. Так, оказалась мало востребованной и не вполне эффективной административная (с элементами имитационной) форма на Белгородчине, но в экстремальной ситуации на той же территории довольно успешно реализуется кризисная (с элементами административной).

Отметим: неоднозначность интерпретации консолидации довольно отчётливо понимают практики-специалисты, в той или иной мере включённые в государственное и муниципальное управление. В частности, в ходе исследования «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды» эксперты, среди которых 90% составили управленцы-практики и преподаватели вузов, работающие по направлению «государственное и муниципальное управление», не пришли к единому мнению о сущности консолидации. 21 из 50 опрошенных экспертов согласились с её определением как состояния «сплочённости социальной группы или общества для достижения общих (осознанных и поддерживаемых большинством) целей». Почти каждый пятый эксперт указал, что это «процесс объединения (сплочения) на основе общих интересов, потребностей и ценностей» (9 опрошенных). Для 7 экспертов – это «активный процесс социализации граждан, их заинтересованное участие в делах своего корпоративного объединения, города, региона, страны». 6 человек выбрали вариант «укрепление и сплочение общества, которое достигается посредством различных средств: религия, идеология, национальность и др.», 4 эксперта – вариант «процесс объединения индивидов в некоторую общность и последующее образование связей между ними».

Определение консолидации только как сплочения, объединения, ценностного консенсуса без указания на механизмы её реализации, а также на то, что эти механизмы в разных условиях будут отличаться друг от друга, означает лишь попытку следовать принципу «презумпции простых решений», то есть попросту их не замечать. При этом стереотип объединения/сплочения, в сущности

являющийся своего рода желаемым нормативным требованием к организации общественной жизни, рассматривается в качестве реально осуществимой в современных условиях идеи.

Но при всей привлекательности такого подхода явно просматривается отсутствие достаточных оснований для осуществления консолидации в ситуации, которую С. А. Кравченко определил как «нормальную аномию» [27, с. 10]. Одной из её характеристик является существенное снижение регулирующей роли ценностей и норм. В этих условиях необходим реалистический подход к формулировке «консолидационной идеи», которая осуществляется различными способами в зависимости от условий.

Так, мы полагаем, что в настоящее время социальную консолидацию уместнее всего рассматривать как соответствующий естественной природе человека, осуществляющийся стихийно либо целенаправленно организуемый и регулируемый (в том числе и саморегулируемый) процесс укрепления межличностных и межгрупповых коммуникаций, достижения взаимопонимания в отношении решения общих проблем на основе диалога и сотрудничества (партнёрства) социальных институтов и населения. Это определение соответствует смешанной административно-стихийной форме с преобладанием административного начала.

Данное определение сформулировано с учётом нескольких аспектов:

– учёт специфики развития современных локальных сообществ и внешних условий, в которых оно реализуется, предполагающий отказ от формулирования понятий как неких идеалов, от стремления некритически оценивать и возрождать архаические концепции. Как уже отмечалось, факторами, определяющими эту специфику, являются «нормальная аномия» и снижение регулирующей роли ценностей¹;

¹ Суть данного явления заключается в том, что граждане формально признают важность той или иной ценности, но не готовы руководствоваться ею в повседневной жизни. Масштабы его распространения ещё следует изучать, но имеющиеся социологические данные позволяют фиксировать наличие подобного рассогласования, по меньшей мере в отношении некоторых так называемых ценностей консолидации. Так, исследование «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды» (2022 г.), проведённое в Белгородской области, выявило, что лишь некоторые из них заметно влияют на формирование позитивного восприятия консолидации. В массовом сознании имеет место значимая зависимость (сильная связь по шкале Чеддока, $r = 0,883$) между ощущением справедливости и признанием необходимости консолидации. Но уже в отношении доверия связь между этой ценностью и интенцией к консолидации не столь очевидна. Она является сильной в отношении доверия родственникам ($r = 0,768$), друзьям и знакомым ($r = 0,706$), соседям ($r = 0,816$), но слабой или средней – руководителю ($r = 0,581$), органам местной власти (средняя связь – $r = 0,655$), общественным организациям (средняя связь – $r = 0,551$), группам в социальных сетях (слабая связь – $r = 0,479$). В настоящее время мы можем лишь предположить, что снижение роли ценностей как социального регулятора представляет собой одну из превалирующих тенденций общественного развития.

– опора на коммуникативную концепцию солидарности Ю. Хабермаса. Поскольку солидарность является одной из форм самоорганизации коммуникаций, понятие «коммуникация» является по отношению к ней более общим (отметим, что Ю. Хабермас связывал установление отношений солидарности именно с «неискажённой» дискурса, то есть качеством коммуникаций [19, с. 158]; в свою очередь, менее общими по отношению к нему выступают, например, понятия «идентичность», «справедливость», «доверие»;

– рассмотрение солидарности как результата реализации определённой политики, а консолидации – как процесса достижения данного результата. Иными словами, консолидация ведёт к утверждению солидарности как принципа жизнедеятельности любого сообщества.

Однако формулировка реалистической позиции связана с рядом условий. Во-первых, солидарность и консолидация должны реально утвердиться в общественных практиках, получив статус феномена, то есть наблюдаемого явления (этот опыт сегодня наличествует в виде солидарных практик, «иницированных» СВО, и частично в виде попытки формирования регионального солидарного общества в Белгородской области). Во-вторых, социологи должны обладать исследовательскими программами и методикой их эмпирического анализа. В-третьих, следует отказаться от политизации и идеологизации предмета своего анализа, стремясь к максимально объективной оценке.

2. *Концепт консолидации как необходимости.* Часть акторов, рассуждая о консолидации, прямо или косвенно исходят из утверждения о том, что она является необходимым этапом развития в современном российском обществе. При этом они нередко не поясняют, кем и в какой степени эта необходимость ощущается и артикулируется. В ряде случаев используются ссылки на некие общие тенденции, требования времени, социальные приоритеты.

С. В. Леонова утверждает: «Социальная солидарность – важное нововведение, создающее актуальную требованиям времени форму социального взаимодействия граждан и государства, основанную на доверии и сплочённости» [8, с. 565]. В образном изложении В. В. Узунова Юг России стоит «перед проблемой социальной консолидации», под которой он понимает процесс, «характеризующийся сплочением социальных групп, общества в целом вокруг остро стоящих перед ним социальных проблем на основе единого понимания и согласия по поводу целей и способов их разрешения» [28, с. 57]. Н. В. Нарыков и И. С. Кузьменко пишут: «Для современного общества органическая солидарность является приоритетом как раз в силу того, что способствует объединению людей, в значительной степени различающихся по частным признакам» [29, с. 29]. Но если необходимость консолидации очевидна для некоторых исследователей, то она, возможно, не вполне очевидна для населения. К тому же столь важный аспект проблемы требует весомых аргументов. Неясность и размытость предлагаемых при его разъяснении формулировок задают широкое поле для интерпретаций и домыслов, порождая вопрос, почему такое востребованное явление с большим трудом реализуется на практике, по меньшей

мере – если речь идёт о так называемой позитивной консолидации, и становится более результативным в случае негативной консолидации, в основе которой лежат «демаркация» и «исключение» [2].

Пожалуй, наиболее конкретно отвечают на вопрос о необходимости консолидации Т. Н. Самсонова и Д. Н. Цыганкова, когда пишут: «Как представляется, и власть, и граждане осознают необходимость общенациональной консолидации на всех уровнях их взаимоотношений, ибо, как гласит русская пословица, “без единства ни в одном деле толку нет”» [30, с. 30].

Идея необходимости консолидации разделяется и нами, но при этом мы предлагаем обратить внимание на ряд обстоятельств, связанных с неоднозначностью и не всегда последовательностью позиций потенциальных участников (партнёров) процесса, к которым в условиях слабости гражданских институтов в большинстве субъектов РФ относятся, фактически, только власть и население.

Если рассматривать позицию власти, то она, на первый взгляд, однозначно комплементарная к консолидации. Ещё в 2003 году в своём послании Федеральному Собранию к числу приоритетов развития России Президент РФ отнёс консолидацию «на основе понятных и чётких целей ...вокруг базовых общенациональных ценностей и задач, без которой противостоять имеющимся угрозам будет невозможно»¹. Но следует учесть: даже позиция президента автоматически не означает, что идея консолидации принята большей частью элит, в том числе и региональных. Но в настоящее время мы не имеем достаточных эмпирических данных для оценки их позиции. Правда, опыт участия в реализации формирования регионального солидарного общества показывает: инициатива их представителей в данном отношении невелика, а скепсис существенен.

На первый взгляд, утверждения о необходимости консолидации обоснованы и применительно к населению. Они подтверждаются и результатами проведённой нами диагностики общественного мнения. В частности, в ходе комплексного мониторинга «Консолидационный потенциал Белгородской области» с утверждением о необходимости консолидации согласились полностью или частично («скорее да, чем нет») 58,2% респондентов, в той или иной мере негативную позицию заняли 22,6% опрошенных.

Однако эти данные сами по себе не дают полного представления относительно всей сложности ориентаций общественного мнения. Во-первых, нельзя не учитывать, что доля респондентов, давших позитивные ответы в отношении необходимости консолидации, лишь немногим превысила половину (26,3% вообще заявили о безразличном отношении к проблеме, и их, скорее всего, следует отнести к латентным противникам консолидации). Во-вторых, опрос проводился в Белгородской области, где, несмотря на многие издержки реализации Стратегии «Формирование регионального солидарного общества на 2011–2025

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 16.05.2003 // Президент России: сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36352> (дата обращения: 20.08.2024).

годы», осуществлялась довольно длительное время пропагандистская кампания в поддержку солидаризма. Если же учесть, что одной из характерных черт поведения респондентов в ходе анкетных опросов является готовность давать ожидаемые, по их мнению, ответы, можно предположить: реальное соотношение «позитивистов» и «негативистов» следует смещать в сторону увеличения доли последних.

Наконец, в-третьих, – и это представляется нам наиболее важным – консолидация не только принимает различные формы, но проходит разные этапы в своём развитии. В частности, среди них целесообразно выделить символический и деятельностный. Первый связан с приданием данной идее общественного значения, наполнением её позитивным психоэмоциональным содержанием, апеллирующим к человеческим потребностям и интересам. Существенным элементом этого процесса является его карнавализация, выражающаяся в череде публичных мероприятий чисто демонстрационного характера, в ходе которых и постулируется необходимость консолидационной идеи. Но ритуальное повторение само по себе не означает её интериоризацию, превращение в мотивационный фактор и включение населения в реальные консолидационные практики, что и должно составить содержание второго этапа. Без этого консолидация региональных сообществ останется в пределах чисто символической декларации о благих намерениях участвовать в решении общих проблем, что следует рассматривать лишь в качестве первого шага к интеграции, который сделать довольно легко, но при этом необходимость остаётся на уровне намерений и фактически не приобретает своих атрибутивных характеристик – однозначной детерминации конкретной областью реальности, неустрашимости в её границах.

Если опираться только на полученные данные, намерение участвовать в консолидации присуще многим гражданам.

Так, в ходе нашего исследования «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды» в большей или меньшей степени готовность обсуждать городские проблемы с другими людьми высказали 86,3% респондентов, а с органами власти – 81,5% участников исследования. Морально поддержать тех, кто находится в трудной жизненной ситуации, согласны 82,3% опрошенных, материально – 71,2%. Готовы к объединению с другими людьми для решения городских проблем 79,4% горожан, к участию для этого в деятельности различных общественных организаций и объединений – 77,7%. Исследования белгородского автора Н. Н. Капустиной, проведённые в сельской местности, дают основания утверждать, что уровень такой готовности у сельчан ещё ниже, хотя сама по себе оценка готовности к взаимопомощи и взаимодействию является высокой¹.

¹ Капустина Н. Н. Формирование и наращивание консолидационного потенциала сельских муниципальных образований : дис. ...канд. социол. наук : 5.4.7 / Капустина Надежда Николаевна ; науч. рук. В. П. Бабинцев ; Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Белгород, 2022. С. 77.

Однако реально в подобных практиках, в ходе которых намерения и могут быть трансформированы в необходимые действия, направленные на совместное участие в решении общезначимых вопросов, принимали участие сравнительно немногие. По данным проведённого нами исследования «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды», в мероприятиях по благоустройству дома, микрорайона, населённого пункта, в которых проживают респонденты, участвовали 51,3%; в собраниях жильцов дома – лишь 33,7% респондентов; 26,7% – в ремонте общего дома или общественных зданий и помещений (школа, детский сад, поликлиника и т. п.); 25,0% оказывали безвозмездную помощь людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию; 22,2% – участвовали в выборах, а 21,5% организовывали мероприятия среди жильцов дома, района, города. Реже всего горожане работали волонтерами (16,6%), участвовали в обсуждении городских проблем (13,1%), собирали подписи, индивидуальные обращения к властям и органам местного самоуправления (12,2%), наблюдали за порядком в составе добровольных народных дружин и на выборах (7,4%), участвовали в деятельности общественных объединений и партий (6,1%), в митингах, пикетах и акциях протеста (4,2%), а 4,5% вообще не участвовали за последние 2–3 года ни в каких мероприятиях.

Очевидно, существует множество причин, объясняющих, почему в массовой аудитории поддержка идеи необходимости консолидации не переводится на уровень практических действий. Эти причины связаны с общей социальной пассивностью граждан, недостаточной институционализацией общественного участия, дефицитом объединяющих ценностей, наличием бюрократических барьеров и т. п. Однако, на наш взгляд, две из них заключаются в специфике самого консолидационного процесса.

Первая связана с тем, что успешная консолидация должна иметь основания в развитии самого регионального сообщества. В поисках такого основания специалисты чаще всего ссылаются на идентичность. А. Е. Коньков пишет: «Солидарность, которая как при сходствах, так и при различиях не может не базироваться на понимании субъектом своей принадлежности (принадлежности себя к тому, что понимается как своё), в условиях последовательных кризисов идентичности начинает носить всё менее длительный и активно ситуативный характер» [31, с. 189].

Идентичность как предпосылку социальной консолидации рассматривают ряд современных исследователей (см., напр.: [31; 28; 32]). В. В. Дьякова, обобщая опыт собственного исследования, заключает: «По итогам исследования подтверждена прямая зависимость между степенью солидарности местного населения и уровнем их региональной идентичности. Чем чаще респонденты отмечали наличие чувства солидарности с жителями региона, тем больше идентифицировали себя с региональной общностью. Причём этот вывод верен для каждого из четырёх регионов – Волгоградской и Астраханской областей, Республики Дагестан и Республики Калмыкия» [5, с. 31].

Символический ресурс идентичности, как и возможности его использования, рассматриваются предельно широко. Отмечается, что политика «поддержания идентичности», в частности, проводимая в связи с этим во многих регионах, направлена на «создание или поддержание представления об уникальности места, сплочение местного сообщества, выработку общих ценностей» [33, с. 112].

Но безусловный характер данное утверждение принимает лишь в том случае, если наблюдается реальная идентификация людей с тем или иным сообществом, что имеет место далеко не всегда, поскольку предполагает по меньшей мере признание субъектами факта наличия такого сообщества на региональном или даже местном уровне. Между тем проведённое нами в 2021 году в Белгородской области исследование показало, что многим участникам фокус-групп вопрос о наличии регионального сообщества показался довольно неожиданным. Зачастую они не могли определить, что превращает жителей области или города в сообщество, то есть в некое единство, скреплённое общими интересами. Они апеллировали главным образом к истории, а рассуждения участников об актуальных на сегодняшний день основаниях формирования сообщества были противоречивыми и путанными.

«Считаю, что региональное сообщество имеет место быть в Белгородской области. Имеется само название местных жителей, которые называют себя белгородцами, регион – Белгородчиной. Белгородский регион имеет отличительные признаки: природно-климатические (меловые холмы), особенный говор: белгородское колоритное глухое “г”, знаковые места (Прохоровское поле, Холковский мужской монастырь). “Святое Белогорье” – наличие храмов практически в каждой сельской территории, не говоря уже о городах» (жен., 40 лет, муниципальный служащий).

«Аргументы в пользу того, что оно есть: единая территория, на которой проживает население Белгородской области, государственное и территориальное устройство, общие интересы, ценности, культура, традиции...» (жен., 47 лет, работник сферы образования).

«Аргументы в пользу наличия сообщества: наличие общей территории – Белгородская область имеет чёткие территориальные границы. Временные рамки – есть коренные жители (несколько поколений проживало на данной территории) и есть приехавшие на постоянное место жительства люди. Независимо от места работы или места проживания, они все находятся в постоянном взаимодействии и стремятся к достижению определённых целей – в зависимости от своей принадлежности к тому или иному социальному институту...» (жен., 41 год, работник сферы образования).

«На мой взгляд, региональное белгородское сообщество представляет собой реализацию разных идей, способствующих улучшению качества жизни населения» (жен., 28 лет, журналист).

Не абсолютизируя полученные результаты, можно предположить: проблема региональной идентичности в настоящее время является весьма сложной.

Как и готовность к консолидации, идентификация носит преимущественно символический характер. Демонстрируя её, многие граждане лишь воспроизводят своего рода обязательную формулу, не придавая ей серьёзного значения и предпочитая в своём большинстве идентифицироваться на микроуровне (с семейно-родственной группой), на макроуровне – с Россией в целом. Вряд ли следует рассчитывать, что такое восприятие может служить основанием для консолидации больших сообществ.

СВО существенно изменила ситуацию в приграничных с Украиной субъектах РФ, усилив ощущение общероссийской и региональной идентичности, что стимулировало развитие консолидационных практик.

Вторую причину декларативности заявлений о необходимости консолидации мы усматриваем в упрощённом понимании роли солидарности в регулировании современных общественных процессов как населением, так и представителями разных уровней публичной власти. В данной связи необходимо уточнение сформулированного выше тезиса о том, что эту необходимость поняли во властных структурах. Он, как показывает опыт Белгородской области, справедлив главным образом для «первых лиц» и их довольно узкого элитного окружения. Но и они, что уже отмечалось выше, чаще всего понимают солидарность только как систему взаимоотношений, минимизирующих возможность конфликтов, гармонизирующих межгрупповые отношения, особенно важную в кризисных ситуациях, в то время как роль данного феномена гораздо значительнее.

Солидарность способна выступать в качестве одного из метасоциальных институтов – регуляторов жизнедеятельности сообществ различного уровня самоорганизации¹. В основе данной концепции лежит представление о социальном институте как установлении стандартов, правил, норм, ограничений, регламентирующих поведение людей [34, с. 111–118]. По определению Д. Норта, институты создали «те базовые структуры, с помощью которых люди на протяжении всей истории добились порядка и таким образом снизили степень своей неуверенности» [35, с. 23].

Институты как «правила игры» могут быть различными по масштабам, формам и направлениям своего воздействия, времени существования. Особенности метаинститута, по нашему мнению, являются:

- предельно широкая сфера влияния, распространяющаяся на всю культурно-цивилизационную общность;
- длительное время существования, адекватное жизни культурно-цивилизационной формы;
- наличие универсальной институциональной матрицы, включающей разнообразные по своей форме нормы (правовые, нравственные, конвенциональные, традиционные), но объединённые в рамках единого ценностно-нормативного паттерна;

¹ Ковригина Г. Д. Социальная солидарность как метаинститут: дис. ...д-ра филос. наук: 09.00.11 / Ковригина Галина Дмитриевна; Забайк. гос. ун-т. Чита, 2020. С. 20.

– многофункциональный характер, заключающийся в способности регулировать отношения в самых различных социальных сферах.

Метасоциальный институт – это, прежде всего, институт развития, институт расширенного воспроизводства социума. И лишь во вторую очередь – институт решения повседневных жизненных проблем, самосохранения и защиты.

Солидарность, рассматриваемая как система правил и стандартов поведения, соответствует этим критериям, поскольку органически связана с существованием цивилизации, формулирует правила поведения в самых различных областях, способствует удовлетворению разнообразных потребностей личности, постановке и достижению соответствующих им целей.

На наш взгляд, только утверждение представления о солидарности как о важнейшем социальном метарегуляторе способно радикально изменить отношение к консолидации в обществе, в первую очередь, в региональной элите. И это изменение должно заключаться в отказе от ограниченного представления о консолидации и в переходе к пониманию универсальности консолидационного процесса, его действительной необходимости, своевременности и возможности.

Однако в настоящее время говорить о таком изменении крайне трудно. И позиция социального реализма требует признать, что представление о необходимости консолидации как одной из доминант требует существенных уточнений.

Выводы

Современная гибридная реальность, характеризующаяся взаимосвязью и взаимозависимостью традиционного «физического» и виртуального пространства, создаёт благоприятные условия для переоценки многих положений социально-гуманитарного знания. Наиболее часто объектом ревизии становятся проблемы, либо не получившие глубокого теоретического обсуждения (и в этом случае они являются показателем дефицита знаний), либо, напротив, возникшие в результате доминирования веками складывающихся стереотипов, демонстрируя неспособность некоторых современных исследователей преодолеть преклонение перед авторитетами. Проблематика, выявившаяся в ходе изучения процессов социальной консолидации, относится ко второй группе.

Предпринятая нами попытка рассмотреть содержание лишь двух концептов, сложившихся при обсуждении проблемы консолидации (концепта ценностно ориентированной сплочённости и консолидации как необходимости) на материалах исследований в приграничных с Украиной регионах России, в одном из которых имеется опыт реализации консолидационного проекта в стабильной среде, и в обоих он накапливается в условиях вооружённого конфликта, даёт основание утверждать: несмотря на то, что практически любой из представленных в настоящее время подходов к интерпретации консолидационного процесса содержит элементы истины, они, как правило, не вполне точно интерпретируются

акторами, пытающимися выдать желаемое за действительное либо «уложить реальность» в принятые ими рамки политической корректности. Почти во всех случаях это ведёт к упрощению реальности, односторонним заключениям, в то время как она постоянно изменяется и усложняется. В этих условиях только позиция социального реализма позволяет избежать ошибочных суждений или по меньшей мере минимизировать их. С точки зрения социального реализма можно утверждать, что два важных рассматриваемых концепта требуют уточнений. В реальности находят место различные формы консолидации и, соответственно, применяются разные механизмы. В современных условиях, как показывает практика, наиболее реальной является кризисная форма, стимулируемая в приграничных с Украиной регионах нарастанием опасностей и угроз. В меньшей степени возможна административная. И пока видится лишь в качестве перспективы партнёрская, опирающаяся на ценностный консенсус.

При этом консолидация воспринимается значительной частью регионального сообщества как декларация о намерениях и не воплощается в конкретные социально-преобразующие практики.

Авторы понимают, что полученные ими выводы не универсальны. Возможно, анализ ситуации в других регионах РФ даст основания для их корректировки, но реалии приграничья позволяют не только формулировать их достаточно определённо, но предлагать учитывать в процессе управления субъектами РФ, особенно в контексте специальной военной операции.

Безусловно, проблемы консолидации должны быть, насколько это возможно в современных условиях, выявлены и разрешены. Необходимыми условиями для этого являются: качественная диагностика, реализм в оценке социальных процессов, регулярный государственно-общественный диалог и поощрение консолидационных практик.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Захарова О. В. Стратегии репрезентации категории «консолидация» в конъюнктивном дискурсе российского президента (2000–2015) // Вестник Института социологии. 2016. № 2 (17). С. 29–45. DOI [10.19181/vis.2016.17.2.395](https://doi.org/10.19181/vis.2016.17.2.395). EDN **WXBVHR**.
2. Бойцова О. Ю. К вопросу о «негативной солидарности» как концепте политической философии // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2018. № 4. С. 60–69. EDN **XWOSST**.
3. Вавилина Н. Д. Солидаризация как социальное явление и социальный процесс: региональный контекст // Регион: Экономика и Социология. 2019. № 3 (103). С. 164–194. DOI [10.15372/REG20190307](https://doi.org/10.15372/REG20190307). EDN **JVIREB**.
4. Вольтер В. О. Национальная идеология как фактор консолидации российского общества в условиях формирования нового миропорядка // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2021. № 3. С. 67–72. EDN **EIWQNI**.
5. Дьякова В. В. Солидарность в контексте анализа региональной идентичности (по результатам социологического исследования) // Теория и практика общественного развития. 2021. № 12. С. 30–34. DOI [10.24158/tipor.2021.12.3](https://doi.org/10.24158/tipor.2021.12.3). EDN **TLYVAJ**.

6. *Капто А. С.* Объединяющие ценности социальной консолидации // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 3. С. 256–265. EDN **TJDPFX**.
7. *Левашов В. К.* От Москвы до самых до окраин: резервы консолидации // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 166–170. DOI **10.31857/S013216250002799-1**. EDN **YPHVTF**.
8. *Леонова С. В.* Конституционный принцип социальной солидарности как основа консолидации российского общества и государства // Известия Байкальского государственного университета. 2021. Т. 31, № 4. С. 562–567. DOI **10.17150/2500-2759.2021.31(4).562-567**. EDN **IKLLZK**.
9. *Мерзликин Н. В., Иванов А. В.* Социальная консолидация в контексте специальной военной операции (экспертная оценка) // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 85–96. DOI **10.19181/nko.2022.28.4.7**. EDN **UAVMUP**.
10. *Реутов Е. В., Реутова М. Н., Шавырина И. В.* Социокультурные аспекты трансформации российского общества в условиях «новой реальности» // Социальная политика и социология. 2023. Т. 22, № 1 (146). С. 103–110. DOI **10.17922/2071-3665-2023-22-1-103-110**. EDN **WVPSEM**.
11. *Рогачев С. В., Ильичева М. В., Иванов А. В.* Социальное доверие и процесс консолидации общества: новые возможности и риски // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2022. № 1. С. 129–140. DOI **10.24412/2071-6141-2022-1-129-140**. EDN **NOCHSG**.
12. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М. : Добросвет, 2000. 389 с. ISBN 5-7913-0040-9. EDN **FVFYSF**.
13. *Буайе П.* Анатомия человеческих сообществ. Как сознание определяет наше бытие / П. Буайе ; пер. с англ. М. : Альпина нон-фикшн, 2019. 436 с. ISBN 978-5-0013-9180-7.
14. *Boyd R., Richerson P. J.* Culture and the Evolutionary Process. Chicago : University of Chicago Press, 1985. 340 p. ISBN 9780226069333.
15. *Ридли М.* Происхождение альтруизма и добродетели: от инстинктов к сотрудничеству / М. Ридли ; пер. с англ. А. Чечиной. М. : Эксмо ; Династия, 2014. 332 с. ISBN 978-5-699-63688-4.
16. Факторы формирования социального доверия в приграничных регионах России / А. А. Горбунова, С. Г. Максимова, М. В. Плотникова, М. А. Гришанова // Society and Security Insights. 2021. Т. 4, № 4. С. 62–76. DOI **10.14258/ssi(2021)4-04**. EDN **ZPWNHG**.
17. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. А. Б. Гофмана. М. : Канон, 1996. 430 с. ISBN 978-5-88873-036-1.
18. *Бурдьё П.* Социология социального пространства / П. Бурдьё ; общ. ред. пер. Н. А. Шматко. М. : Алетейя, 2005. 288 с. ISBN 5-89329-762-8.
19. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас ; пер. с нем. ; под ред. Д. В. Скляднева. СПб. : Наука, 2000. 377 с. ISBN 5-02-026810-0.
20. *Bourdieu P.* The forms of capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / Ed. by J. G. Richardson. N. Y. : Greenwood Press, 1986. P. 241–258. URL: https://home.iitk.ac.in/~amman/soc748/bourdieu_forms_of_capital.pdf (дата обращения: 20.08.2024).
21. *Schutz A.* The Problem of Social Reality // Collected Papers IV / A. Schutz. Berlin : Springer Dordrecht, 1996. Vol. 136. P. 71–72. (Phaenomenologica). DOI **10.1007/978-94-017-1077-0_6**.
22. *Дука А. В.* Введение в проблему. Консолидация как проблема // Условия и возможности консолидации российского общества. Сборник научных трудов СИ РАН / Отв. ред. : А. В. Дука, И. И. Елисеева. СПб. : Нестор-История, 2010. С. 8–29. EDN **VUBWQP**.

23. Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Имитации в высшем образовании как социальная проблема // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 5. С. 88–106. DOI [10.31992/0869-3617-2021-30-5-88-106](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-5-88-106). EDN [LTFFQF](https://www.edn.ru/ltffqf).
24. Волков Ю. Г. Креативный класс Versus имитационных практик // Гуманитарий Юга России. 2012. № 1. С. 43–58. EDN [SBLTNR](https://www.edn.ru/sbltnr).
25. Закирова Т. В. Фальшивая жизнь современного общества и её связь с социальной имитацией // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2021. № 1. С. 107–112. DOI [10.25198/2077-7175-2021-1-107](https://doi.org/10.25198/2077-7175-2021-1-107). EDN [ZHCGZL](https://www.edn.ru/zncgzl).
26. Хабибуллина З. Н. Имитация как социокультурный атрибут современного общества // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Т. 11, № 5-1. С. 143–149. DOI [10.34670/AR.2022.64.43.017](https://doi.org/10.34670/AR.2022.64.43.017). EDN [JLSSNR](https://www.edn.ru/jlssnr).
27. Кравченко С. А. «Нормальная аномия»: контуры концепции // Социологические исследования. 2014. № 8 (364). С. 3–10. EDN [SOARRD](https://www.edn.ru/soarrd).
28. Узунов В. В. Факторы социальной консолидации в региональных сообществах на Юге России // Caucasian Science Bridge. 2021. Т. 4, № 2 (12). С. 56–69. DOI [10.18522/2658-5820.2021.2.5](https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.2.5). EDN [CNSSYS](https://www.edn.ru/cnssys).
29. Нарыков Н. В., Кузьменко И. С. Информационная коммуникация как фактор социальной солидарности // Общество: философия, история, культура. 2020. № 4 (72). С. 25–29. DOI [10.24158/fik.2020.4.3](https://doi.org/10.24158/fik.2020.4.3). EDN [YGZNF](https://www.edn.ru/yznfd).
30. Самсонова Т. Н., Цыганкова Д. Н. Основные проблемы и направления достижения консолидации российского общества // Теория и практика общественного развития. 2020. № 11 (153). С. 24–31. DOI [10.24158/tipor.2020.11.3](https://doi.org/10.24158/tipor.2020.11.3). EDN [SVMRAF](https://www.edn.ru/svmraf).
31. Коньков А. Е. Солидарность в политике современного государства // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 81. С. 182–195. DOI [10.24411/2070-1381-2019-10084](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2019-10084). EDN [NIPSIS](https://www.edn.ru/nipsis).
32. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) / А. Д. Харичев, А. Ю. Шутов, А. В. Полосин, Е. Н. Соколова // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6, № 3. С. 9–19. DOI [10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19](https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19). EDN [EGABUV](https://www.edn.ru/egabuv).
33. Довбыш Е. Г. Сетевые технологии формирования городской идентичности // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 4. С. 111–118. EDN [PYIATN](https://www.edn.ru/pyiatn).
34. Кораблева Г. Б. Социальные институты и социальные организации: особенности взаимодействия // Известия Уральского государственного университета. Сер. 3. Общественные науки. 2009. № 4 (70). С. 111–118. EDN [KXYYSF](https://www.edn.ru/kxyysf).
35. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт ; пер. с англ. А. Н. Нестеренко. М. : Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с. ISBN 5-88581-006-0. EDN [YQDVYE](https://www.edn.ru/yqdvye).

Сведения об авторах

В. П. Бабинцев

доктор философских наук, профессор,

профессор

SPIN-код: [8599-4267](https://www.edn.ru/8599-4267)

Г. Н. Гайдукова

кандидат социологических наук, доцент,

доцент

SPIN-код: [4529-6781](https://www.edn.ru/4529-6781)

Я. И. Серкина

доктор социологических наук, доцент,
профессор
SPIN-код: 7133-9098

Ж. А. Шаповал

кандидат социологических наук, доцент,
доцент
SPIN-код: 2588-8652

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию 03.09.2024; одобрена после рецензирования 30.09.2024;
принята к публикации 20.01.2025.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2025.13.1.3

PROBLEMS OF REGIONAL COMMUNITIES' CONSOLIDATION: THE POSITION OF SOCIAL REALISM

Valentin Pavlovich Babintsev¹

Galina Nikolaevna Gaidukova²

Yana Igorevna Serkina³

Zhanna Aleksandrovna Shapoval⁴

^{1, 3, 4}Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russia

²North-Western Institute of Management – RANEPА branch,
Saint Petersburg, Russia

¹babintsev@bsuedu.ru,

ORCID 0000-0002-0112-6145

²g_gaidukova@bsuedu.ru,

ORCID 0000-0001-6300-9174

³serkina_ya@bsuedu.ru,

ORCID 0000-0002-5106-7104

⁴shapoval@bsuedu.ru,

ORCID 0000-0002-8069-9274

For citation: Babintsev V. P., Gaidukova G. N., Serkina Y. I., Shapoval Zh. A. Problems of regional communities' consolidation: the position of social realism. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(1):48–73. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2025.13.1.3.

Abstract. The purpose of the article is a critical analysis of the most common concepts of regional communities consolidation, their verification based on the results of an empirical study in the regions bordering Ukraine in Russia in the early 20s of this century. Justifying the relevance of the topic under consideration, the authors point out the contradiction between the objectively conditioned, adequate essence of man, the intention to consolidate, which

is reflected both in the declarations of state leaders and public leaders, as well as a significant part of the population, and the limitations of its real practices. This contradiction has not yet been satisfactorily explained in the sociological literature, which is dominated by a simplified view of consolidation as a rallying of citizens based on common values. The article examines two concepts of consolidation (value-based cohesion and consolidation as a necessity) and argues that the mechanisms of consolidation are complex and far from obvious. The attempt to simplify the idea of them in epistemological terms reflects the inability to comprehend the real consolidation process in all its inconsistency. In the social aspect, the reasons are related to the desire of researchers to comply with modern political trends, without their full reflection, which indirectly indicates that the “disease” of servility has not been completely cured. The authors prove that only the position of social realism, which is based on an understanding of the ambiguity and heterogeneity of the consolidation process, liberation from considerations of political conjuncture, problematization and deproblematization, reflexive assessment of their own experience of analysis, as well as the experience of other authors, avoids erroneous judgments, although it does not guarantee this. The formulated conclusions are based on the results of two author’s sociological studies conducted in 2021 and 2022 in Belgorod, Voronezh and Kursk regions, and although the research almost did not capture the period of its own, it contrasts quite sharply with the previous “peaceful” period in terms of consolidation practices. This contrast reflects many aspects of the problem not only in relation to the border area, but also to other territories. Based on the results obtained, the authors argue that it is possible to talk about various forms of consolidation – spontaneous, administrative, crisis, partnership, the mechanisms of each of which have their own characteristics. The insufficient success of consolidation is currently associated with the inadequacy of its preferred form (partnership) to the prevailing conditions and the low level of readiness of the population to participate in solving common regional problems. This contradiction is more or less successfully resolved in the frontier regions when choosing a crisis form, in the long term – a mixed, administrative and spontaneous one.

Keywords: social consolidation, social solidarity, identity, community, local community, metasocial institution, border region

REFERENCES

1. Zakharova O. V. Strategies for the representation of the “consolidation” category in the conjunctive discourse of the Russian president (2000–2015). *Bulletin of the Institute of Sociology=Vestnik Instituta sociologii*. 2016;(2):29–45. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2016.17.2.395](https://doi.org/10.19181/vis.2016.17.2.395).
2. Boitsova O. Yu. On the issue of “negative solidarity” as a concept of political philosophy. *Bulletin of the Moscow University. Episode 7: Philosophy=Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya*. 2018;(4):60–69. (In Russ.).
3. Vavilina N. D. Solidarization as a social phenomenon and social process: regional context. *Region: Economics and Sociology=Region: E'konomika i Sociologiya*. 2019;(3):164–194. (In Russ.). DOI [10.15372/REG20190307](https://doi.org/10.15372/REG20190307).
4. Voltaire V. O. National ideology as a factor of consolidation of Russian society in the context of the formation of a new world order. *Bulletin of the Armavir State Pedagogical University=Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2021;(3):67–72. (In Russ.).
5. Dyakova V. V. Solidarity in the context of the analysis of regional identity (based on the results of a sociological study). *Theory and practice of social development=Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2021;(12):30–34. (In Russ.). DOI [10.24158/tipor.2021.12.3](https://doi.org/10.24158/tipor.2021.12.3).

- of Russian society. Collection of scientific papers of the SI RAS. A. V. Duka, I. I. Eliseeva eds. St. Petersburg: NestorIstoria; 2010. P. 8–29. (In Russ.).
23. Ambarova P. A., Zborovsky G. E. Imitations in higher education as a social problem. *Higher education in Russia=Vy'sshee obrazovanie v Rossii*. 2021;30(5):88–106. (In Russ.). DOI [10.31992/0869-3617-2021-30-5-88-106](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-5-88-106).
 24. Volkov Yu. G. Creative class Versus imitation practices. *Humanities of the South of Russia=Gumanitarnij Yuga Rossii*. 2012;(1):43–58. (In Russ.).
 25. Zakirova T. V. The fake life of modern society and its connection with social imitation. *Intelligence. Innovation. Investment=Intellekt. Innovacii. Investicii*. 2021;(1):107–112. (In Russ.). DOI [10.25198/2077-7175-2021-1-107](https://doi.org/10.25198/2077-7175-2021-1-107).
 26. Khabibullina Z. N. Imitation as a socio-cultural attribute of modern society. *Context and reflection: philosophy of the world and man=Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*. 2022;11(5-1):143–149. (In Russ.). DOI [10.34670/AR.2022.64.43.017](https://doi.org/10.34670/AR.2022.64.43.017).
 27. Kravchenko S. A. “Normal anomie”: contours of the concept. *Sociological studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2014;(8):3–10. (In Russ.).
 28. Uzunov V. V. Factors of social consolidation in regional communities in the South of Russia. *Caucasian Science Bridge*. 2021;4(2):56–69. (In Russ.). DOI [10.18522/2658-5820.2021.2.5](https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.2.5).
 29. Narykov N. V., Kuzmenko I. S. Information communication as a factor of social solidarity. *Society: philosophy, history, culture=Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 2020;(4):25–29. (In Russ.). DOI [10.24158/fik.2020.4.3](https://doi.org/10.24158/fik.2020.4.3).
 30. Samsonova T. N., Tsygankova D. N. The main problems and directions of achieving consolidation of Russian society. *Theory and practice of social development=Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya*. 2020;(11):24–31. (In Russ.). DOI [10.24158/tipor.2020.11.3](https://doi.org/10.24158/tipor.2020.11.3).
 31. Konkov A. E. Solidarity in the politics of the modern state. *Public administration. Electronic bulletin=Gosudarstvennoe upravlenie. E'lektronny'j vestnik*. 2020;(81):182–195. (In Russ.). DOI [10.24411/2070-1381-2019-10084](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2019-10084).
 32. Kharichev A. D., Shutov A. Yu., Polosin A. V., Sokolova E. N. Perception of basic values, factors and structures of socio-historical development of Russia (based on research and approbation). *Journal of Political Studies=Zhurnal politicheskix issledovanij*. 2022;6(3):9–19. (In Russ.). DOI [10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19](https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19).
 33. Dovbysh E. G. Network technologies of urban identity formation. *Man. Community. Management=Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*. 2012;(4):111–118. (In Russ.).
 34. Korableva G. B. Social institutions and social organizations: features of interaction [Social'nye instituty i social'nye organizacii: osobennosti vzaimodejstviya]. *Proceedings of the Ural State University. Ser. 3. Social sciences=Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 3. Obshhestvenny'e nauki*. 2009;4(70):111–118. (In Russ.).
 35. North D. Institutes, institutional changes and the functioning of the economy [Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki]. Translated from English by A. N. Nesterenko. Moscow: Fond ekonomicheskoy knigi «Nachala»; 1997. 180 p. (In Russ.). ISBN 5-88581-006-0.

Information about the Authors

V. P. Babintsev

Doctor of Philosophy, Professor,
Professor

ResearcherID: [ABD-1868-2020](https://orcid.org/0000-0001-8668-2020)

Scopus AuthorID: [23975595200](https://orcid.org/0000-0001-2397-5595)

G. N. Gaidukova

Candidate of Sociology, Associate Professor,
Associate Professor
ResearcherID: **N-5679-2016**
Scopus AuthorID: **56039301000**

Y. I. Serkina

Doctor of Sociology, Associate Professor,
Professor
ResearcherID: **O-4544-2017**
Scopus AuthorID: **57190881205**

Zh. A. Shapoval

Candidate of Sociology, Associate Professor,
Associate Professor
ResearcherID: **ABC-8698-2020**
Scopus AuthorID: **57202379507**

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 03.09.2024; approved after reviewing 30.09.2024; accepted for publication 20.01.2025.